

НА БЛОК-ПОСТУ ИСТОРИИ

(Вместо предисловия автора)

«Демократия и рынок» – устойчивое словосочетание. Как «Ромео и Джульетта», «Ленин и Сталин» или «Дольче и Габбана». Хочешь демократии? Получи «рынок». Хочешь рынка? В нагрузку отгружается «демократия». Но в нашем мире «брак» демократии и рынка редко отличается гармонией и больше похож на садо-мазо – кто-то в позе доминирования, а кто-то лечит геморрой. Причём каждый из «партнёров» прекрасно обходится без другого: в мире есть немало примеров как бурного роста рынка при полном деспотизме, так и нищих демократий. Только в нескольких экономически развитых странах сегодня существуют удовлетворительные для их населения модели демократии с относительно свободным рынком. Естественно спросить: какую же всё-таки роль играет демократия в развитии рыночной экономики, и каково значение экономической свободы в политике? Почему вообще растёт мировая экономика, и почему она вдруг перестаёт расти [*наступает кризис*]? И есть ли из этого порочного круга выход?

Доктрина рынка, как и любая другая идейная доктрина, пытается загнать реальность в простую квадратную схему, доступную восприятию неподготовленных масс [*мировоззрение для «чайников»*]. Люди в массе своей не любят умственно напрягаться, и потому квадратные схемы часто пользуются успехом. Рынок как очередная массовая доктрина неумеренно раздувает прогрессивную роль частной инициативы и приспособляемости неорганизованных систем [*толпа свободно принимает форму стадиона, в который её помещают*] и игнорирует сущие «мелочи»: государство, время и человека. В центр общественного мироздания помещается обмен, вытесняя оттуда мораль, государство и производство. Постулируется, что свободная торговля сама собой организует экономику оптимальным образом, а самая экономика принимает самодовлеющее значение смысла существования человеческого общества. Проценты прироста ВВП затмевают все остальные достижения человеческого разума, которые, как предполагается, вытекают только из этого вечно пухнущего ВВП. У Маркса общественным гегемоном был пролетариат, у Милтона Фридмана гегемо-

ном становится лавочник – он же гешефтмахер, дилер, брокер. Новые времена – новые песни...

Но если отвлечься от пластмассовых в своей массовости доктрин, оказывается, что в реальной жизни начиная с эпохи заполнения клинописных табличек убористым бухгалтерским текстом и до установления пенсионного возраста германским трудящимся времён Ангелы Меркель не крикливая толпа брокеров, а прозаически скучное государство является самым влиятельным агентом и в обществе, и в экономике. Решения правительств и правителей влияют на рынки гораздо сильнее, чем спрос и цены, и не описываются в рамках кастрированной для идеологического удобства рыночной теории. Смешно смотреть, как эти совершенно «свободные» рынки приседают или подпрыгивают после обнародования какого-нибудь очередного отчёта американского Министерства труда или после телевизионного выступления американского (а иногда даже и российского) президента. Командная экономика: упал – отжался.

По извечной иронии судьбы теория свободного рынка возникла почти одновременно с началом пышного разрастания роли государства в экономиках Запада, так, как если бы «чистый» капитализм был специально придуман для сокрытия зияющих высот развивающегося на Западе социализма. Как метко заметил Дж. Гэлбрайт, планирующие организации предпочитают, чтобы их не замечали¹. Власть удобнее осуществлять вне поля зрения посторонних глаз. Правящим элитам был нужен идеологический камуфляж для сокрытия нарастающей бюрократизации конвергирующего² с СССР «свободного мира». И спрос родил предложение: были выпущены бумажные облака из сугубо научных статей, монографий, докладов, призванные приккрыть очевидное – становление монументального бюрократического социализма, но, увы, не в СССР, а в США и других странах Запада.

Характерно, что в рыночной теории отсутствуют долгосрочные цели, как если бы мир состоял из одних бабочек-однодневок, зато в жизни мы эти цели ставим на каждом своём шагу. Каждый из нас имеет собственные представления о будущем и о своих видах на него. Мы не знаем, что поджидает нас завтра, но примерно представляем, чем собираемся занять себя в ближайшие два-три-пять-десять лет. Конечно, жизнь всё

1 – Гэлбрайт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1968.

2 – эволюционирующего в том же направлении.

время корректирует и редактирует наши планы. Но они есть, они необходимы, иначе мы не могли бы разумно организовать свою жизнь. То же относится и к предприятиям, отраслям, государствам, картелям и корпорациям. Что такое *неплановая* экономика, когда жизнь каждого состоит из планов, знают, наверно, только ну очень высоколбые профессора³...

На реальных рынках нет абстрактных агентов-атомов, управляемых математическими формулами, высосанными из элементарной алгебры, – здесь действуют социальные организации, хотя бы самые маленькие, такие как семьи. А поведение даже самой микроскопической организации намного сложнее, чем поведение абстрактного рыночного агента, так как все они имеют многочисленные и нестабильные социальные связи – лояльности⁴, ломающие абстрактную рыночную модель как трёхлетний малыш пластиковую игрушку.

На смену рыночной теории, за её неадекватностью, должно прийти интегральное развитие теории организаций *внутри социологии* – **теории общественных систем**, крупнейшей из которых в национальных экономиках, конечно, является государство. Товарный и финансовый рынки в этом случае должны рассматриваться как процессы и каналы обмена ресурсами между многочисленными организациями, множественными сложными агентами, не сводимыми к математическим точкам.

Ортодоксальная западная социология вопрос взаимоотношений демократии и рынка замалчивает. По умолчанию предполагается, что демократия – это политическая форма свободного рынка. А рынок – способ организации экономической деятельности, присущий демократии. В действительности между демократией и рынком существуют гораздо более сложные взаимоотношения. Иногда демократия подминает под себя рынок и нагружает его различными социальными обременениями. И рынок, становясь от этого менее свободным, не становится менее производительным – наоборот, его выдача полезного продукта только возрастает. Так произошло после принятия «Нового курса» Рузвельта, так же произошло в Западной Европе после II мировой войны, то же самое наблюдалось в путинской России первого пре-

3 – Тренированный российскими СМИ читатель сразу же скажет вслед за Марксом – «им платили», и будет не совсем неправ.

4 – Лавровский И. Странострой // Главная тема. 2005. Февраль-март.

зидентского срока, и то же самое начинает происходить сейчас в США и Европе. Барак Обама, Ангела Меркель, Николя Саркози командуют западной командной экономикой так, как и не снилось Лео Брежневу и Майклу Горбачёву⁵.

Иногда, напротив, демократия приносится в жертву рынку, как это произошло в Сингапуре, Южной Корее, Чили, Индонезии, в России второй половины 1990-х. При этом часто возникает неустойчивая социальная конфигурация, так как социальная напряженность и возникающее при этом предельное социальное неравенство лишают общества стабильности. Рынок в отсутствие демократии сжирает сам себя, если только ему в этом не мешает коммунистическая партия, как в Китае, или харизматичный диктатор, как Ли Куан Ю в Сингапуре.

Мировой кризис – подходящая мизансцена для смены дискурса. Когда рынки растут, всевозможные маклеры, брокеры, дилеры, имиджмейкеры и ньюсмейкеры движутся, сбившись в плотные косяки, к своим кормушкам, как лосось на нерест, и пробиться сквозь их скользкую толщу с новыми идеями, тем более в «чешуе», отличающейся от них по цвету, невозможно. Во время кризиса очевидность направления поступательного движения толпы исчезает, во властной, деловой и интеллектуальной среде возникает замешательство и, соответственно, появляется шанс для смены вех и вешек. Но иногда это замешательство принимает злокачественные формы и переходит в массовое помешательство – от следования идеям чужде до повсеместного внедрения идей демократии и свободного рынка. Считать, что, отболев фашизмом и коммунизмом, цивилизация навсегда приобрела иммунитет от общественного помешательства, – опасное заблуждение.

После развала Восточного блока и его безразмерной кормушки – СССР на Западе возникло головокружение от успехов. Неважно, что СССР развалился под собственным весом, а не в результате прямого поражения. Это не помешало формированию у западных элит комплекса уверенности в собственной непотопляемости и неоспоримости собственного превосходства. Явственнее всего этот комплекс проявился в полурелигиозном преклонении перед либеральной рыночной теорией. Возникло даже томительное ощущение конца сеанса: ничего интересного больше не покажут, на человечество всем своим весом наступило

5 – Он ей – ускоряйся! А она останавливается... Он ей – перестраивайся! А она разваливается... Хороша «командная экономика»!

окончательное торжество единственно верного прогрессивного общечеловеческого учения⁶. Конец истории настал. Мир уткнулся в шлагбаум. На блок-посту спреем⁷ начертано: USA. Воцарилась империя последних дней.

Однако ощущение конца истории возникало в истории человечества не однажды. Династический Египет, поднебесные китайские империи, «вечный» Рим, викторианская Англия, гитлеровский рейх, брежневский застой производили впечатление монолитной крепости, не подверженной играм времени. Но время отпускало свою очередную циничную шуточку, и история продолжалась, а от монолитной крепости оставались одни ценные археологические черепки.

Мир выйдет из нынешнего кризиса совсем не таким или по крайней мере не совсем таким, каким он в него вошёл. Если посмотреть назад, мы увидим, что предыдущие мировые кризисы изменяли ход истории до неузнаваемости. После кризиса 1929 года возник современный военно-промышленный комплекс, ведущие государства начали планировать свою экономику и заниматься социальной политикой. Мировой энергетический кризис 1970–1980-х годов похоронил СССР и породил то, что ныне называется инновационной экономикой. «Хай-тек» как двигатель прогресса – это изобретение предыдущего кризиса, которым в России пытаются лечить кризис нынешний.

Что появится в результате нынешнего кризиса? Легче сказать, что исчезнет. Сейчас уже почти нет сомнений в том, что будет разобран один из столпов «свободного рынка» – свободное перемещение частного капитала. Финансовая реформа Барака Обамы оставляет в прошлом многомиллиардные азартные игры банков с капиталом вкладчиков путём инвестиций в хедж-фонды и финансовые деривативы. А это означает, что будет резко ограничена эмиссия доллара частными финансовыми организациями и вновь возрастет значение государственных инвестиционных программ и программ, спонсируемых и курируемых государством. Ещё более возрастет роль политики в экономике. Джордж Сорос сделал своё дело, Джордж Сорос⁸ может уходить...

6 – Fukuyama Francis. The End of History and the Last Man // The Free Press, 1992.

7 – Баллончик с краской, популярный среди тинейджеров.

8 – Дж. Сорос – эпическая фигура эпохи свободного движения капитала, в одиночку сражавшийся с центробанками разных стран ради своих баснословных прибылей.

В 1990-х годах американцам удалось идеологически и политически уничтожить суверенную эмиссию в большинстве экономик мира⁹, оставив один-единственный глобальный источник новой ликвидности – американский доллар. Какое-то время было позволено довольно свободно спекулировать долларом, но и это время истекло. *Pax Americana* на наших глазах стремительно превращается из идеи в повседневную реальность. Мировая революция, о необходимости которой кто только ни говорил, – от троцкистов до свидетелей Иеговы – свершилась. В мире уже есть **мировое правительство**. Но располагается оно не в Нью-Йорке [*с ООН явно промахнулись*], а двумястами милями южнее – на берегах Потомака, в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия. Всемирный же центробанк – это де-факто Федеральная резервная система США, обеспечивающая ликвидностью не только свои пятьдесят штатов, но и около двух сотен стран мира, включая Россию и даже Китай.

Мир изменился. Советско-американская биполярность, достигшая апогея во времена позднего Хрущёва – раннего Брежнева, включила было фонтаны либерализма по всему миру. Отсутствие единой мировой доминанты в тот период дало возможность появиться многочисленным «третьим силам» – от фрондирующего генерала де Голля до отвязанного от всех блоков Йозефа Броз Тито, от хиппи до советских шестидесятников. Большинство этих фонтанов уже иссякло. Среди друзей Америки уже никто не фрондирует. Югославы за свою упёртую самостийность получили гуманитарными ракетами по башке и рассыпались на составные части. От хиппи и западного либерализма остались только гей-парады. Советские шестидесятники-семидесятники, пережившие «ужасы девяностых», прилепились к новой системе изнутри и снаружи. Все что-то продают – кто прошлое, кто настоящее – и никто не рвётся рисковать сегодняшним относительным или абсолютным благополучием за все менее и менее понятное лучшее [*или не лучшее?*] будущее. Революционная ситуация перешла в контрреволюционную, а затем в нормальный конформизм. Так всегда и бывает. До новой революции¹⁰.

А будет ли она, Новая Революция? Как от тюрьмы и от сумы, являющихся её патентованными результатами, от революции не стоит зарекать-

9 – Драматическая сага мировой войны американской ФРС (Федеральной резервной системы) с вражескими центробанками спета Найоми Клайн в её мировом бестселлере «Доктрина шока»: Klain N. Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. Knopf Canada, 2008.

10 – Во Франции революций было четыре за 100 лет. В России – три за 100, не считая нескольких государственных переворотов.

ся. Революции так же обычны для человеческой истории, как войны, государственные перевороты и государственные измены, как изобретения и эпидемии. Наивная вольтерьянская вера в материальный прогресс как социальную панацею пока что привела к двум горячим мировым войнам и одной «холодной»¹¹. Сегодня тлеют региональные конфликты с участием и без участия единственной оставшейся сверхдержавы и тяжело зреет социально-групповая ненависть, иногда прорывающаяся террористическими актами. Материальный прогресс не отменил ни межнациональное соперничество, ни классовую напряжённость. В тучные года эти «рифмы» скрываются из виду, но не исчезают. В тощие годы кризиса возможен их новый прорыв в этот мир со всеми вытекающими последствиями.

Прятать голову в песок в виду приближающейся бури – не лучшая из политик. С песочком может снести и голову. При взгляде же на арену российских идейных баталий в голову приходят печальные аналогии со свифтовской борьбой остроконечников с тупоконечниками. Одни объявляют государственное идеальным и таким ГОСУДАРСТВЕННЫМ! а другие утверждают, что всё государственное, кроме их зарплат, – ужасно «нерукопожатно»¹². На этом идейное содержание общественного дискурса исчерпывается. Но упрямое сознание, слегка утомлённое десятилетиями советско-западного биполярного манихейства, требует, чтобы в сферу обществоведения проникло что-то более похожее на жизнь. Наши многолетние исследования предыдущей политической и экономической истории человечества плюс собственный многоплановый опыт привели нас к некоторым выводам, которые, как представляется, могут оказаться полезнее для выживания в бурном будущем, чем идеологические штамповки, в изобилии имеющиеся на таком свободном и таком демократическом рынке.

Игорь Лавровский

11 – Крах вольтерьянского атеистического рационализма, на котором стоит всё западное мировоззрение, блестяще описан канадским философом Дж. Р. Соулом в книге «Ублюдки Вольтера»: Soul J.R. Voltaire's Bastards: The Dictators hipof Reason in the West. Penguin Group Canada, 1993.

12 – Сравните: «вагоноуважаемый глубоководный!» [С. Маршак].